

1. Donegan P., Stampe D. The study of natural phonology // Current approaches to phonological theory / Ed. by Dinnsen D. Bloomington, 1979.
2. Кодзасов С.В., Криванова О.Ф. Современная американская фонология. М., 1981.
3. Dressler W.U. Morphology // Handbook of discourse analysis / Ed. by van Dijk T. V. II.
4. Mayerthaler W. Morphologische Natürlichkeit. Wiesbaden, 1981.
5. Wurzel W.U. Flexionsmorphologie und Natürlichkeit. B., 1984.
6. Dressler W.U., Mayerthaler W., Panagl O., Wurzel W.U. Leitmotifs in natural morphology. Amsterdam, 1987.
7. Meřčuk I.A. Towards a language of linguistics: A system of formal notions for theoretical morphology. München, 1982.
8. Мельчук И.А. О "внутренней флексии" в индоевропейских и семитских языках // ВЯ. 1963. № 4.
9. Molino J. Le retour de la morphologie // Langages. 1985. V. 78.

Плунгян В.А.

Croatica. Slavica. Indoeuropaea. Wien, 1990. 299 S. (Wiener slavistisches Jahrbuch. Ergänzungsband VIII).

Настоящий сборник посвящен юбилею Радослава Катичича, профессора Венского университета, широко известного своими трудами в разных областях славянского и индоевропейского языкознания. В названии сборника *Croatica. Slavica. Indoeuropaea* обозначены основные направления научной деятельности юбиляра, тематика статей, принадлежащих перу известных ученых из европейских стран и Америки. В сборнике 35 статей, они не сгруппированы по тематическому принципу, а расположены в порядке следования фамилий авторов. Статьи охватывают широкий круг проблем, актуальных для современной науки. Это — исследование вполне конкретных, частных вопросов, теоретические разработки, дающие более точные методологические подходы к решению тех или иных задач, славянские и индоевропейские этимологии, реконструкция фрагментов духовной культуры, анализ проблем индоевропейского и балканского языкознания и т.д. По существу каждая из статей, входящих в настоящий сборник, представляет собой вполне самостоятельное, законченное исследование со своей проблематикой, своим подходом и конкретным языковым материалом. Особую ценность, значимость и глубину этим работам придает то обстоятельство, что любая проблема рассматривается в широком контексте последних достижений науки с учетом новейшей методик. В пределах отведенного нам объема мы не сможем сколько-нибудь подробно остановиться на всех работах этого сборника, хотя многие из них заслуживают того, чтобы быть пред-

метом специального научного анализа. Свою задачу мы видим в том, чтобы в самом общем виде охарактеризовать проблематику статей. В соответствии с нашими интересами попытаемся более подробно охарактеризовать работы, в которых освещается праславянская проблематика.

В названии сборника на первое место вынесено *Croatica*. В этом — проявление уважения к юбиляру, родом из Загреба, в прошлом профессору Загребского университета. Значительная часть статей связана с хорватской и шире — сербохорватской проблематикой. В них освещаются самые разные вопросы из области современного функционирования языка, диалектологии, истории языка, акцентологии и т.п. С помощью новейших методов исследуется семантика предлога в выражениях типа *sedeti na suncu* // *sedeti u hladu* (М. Ивич), употребление притяжательного местоимения *svoj* (М. Михалевич), так называемые бессоюзные зависимые предложения (С. Бабиц). В связи с теорией языковых контактов Р. Филипповичем рассмотрены виды морфологической и фонологической адаптации англицизмов в сербохорватском языке. Для лексикологов и лексикографов несомненный интерес представит анализ фразеологизмов в произведении Марулича "Юдита" (М. Могуш). Аорист в сербохорватском языке и его истории стали предметом исследования Н. Юрич-Каппел. По мнению автора, сохранению кратких претеритных форм в данном языковом пространстве способствовали два фактора — типологический (вхождение в Балканский языковой союз) и социолинг-

вистический (сохранение некоторых архаичных контекстов). По наблюдениям автора, в современном языке аорист выполняет функцию стилемы, позволяющей воссоздать архетип эпической разговорной ситуации в условиях нашего времени.

Г. Невскловский, известный своими акцентологическими исследованиями, анализирует с этой точки зрения труды Б. Кашича (род. в 1575 г. на о. Паг). Грамматика, словарь, "Духовные песни" Б. Кашича рассматриваются как важный источник сведений по истории ударения в диалектах сербохорватского языка.

Новые данные, уточняющие картину распределения изоглосс *šć/št* и *more/može* на территории славянского диалекта, приведены в статье П. Ивича. В работе четырех авторов (А. Суйолджич, Б. Финка, Р. Рудан и П. Шимунович) предпринята попытка определить на основе количественной обработки 250 слов базового словаря по методу Хемминга степень сходства и различия бургенландско-хорватских диалектов на территории Австрии и характер отношений этих диалектов и диалектов, расположенных на хорватской территории. Результаты исследования представлены в виде таблиц и рисунков.

По урбариям, начиная с 1554 г., прослеживается языковая форма и состав личных имен в Зигендорфе на территории Бургенланда, смешанной в диалектном отношении (J. Vlasits).

Одно из традиционных направлений хорватистики связано с изучением старых текстов, поисками новых источников, позволяющих расширить материальную базу филологических исследований. Л. Хадрович предлагает анализ религиозного стихотворения с названием *Cantio pulchra* (XVII в.), которое по содержанию принадлежит к жанру, определяемому как "temento mōi". Это небольшое стихотворение (30 строк), написанное на хорватско-кайкавском диалекте, обнаружено автором в университетской библиотеке Будапешта. Найденные И. Ньюмаркаи в Государственном архиве Венгрии новые рукописи (16 купле-продажных договоров и обязательств 1661—1710 гг.), написанные на бургенландско-хорватском диалекте, существенно дополняют корпус материалов, введенных в научный обиход Г. Невскловским, Х. Кошат, Л. Хадровичем и другими исследователями.

К первому разделу могут быть отнесены еще некоторые статьи, в которых исследуются разные проблемы из истории науки, литературы, фольклора. В одной из них (С. Хафнер) дан обстоятельный анализ со-

держания понятий "сербы" и "хорваты" в работах Е. Копитара, в другой (И. Петрович) в систематизированном виде представлены материалы хорватской житийной литературы средневековья и, наконец, в третьей (З. Матишич) проведен сравнительный анализ вариантов сказки о змее-женехе из собрания Вука (№ 9, 10) в сербском, древнеиндийском и языках европейского ареала.

Вторая тема сборника — Slavica — объединяет статьи, посвященные разным проблемам старославянского и праславянского языков.

Р. Прејнерсторфер статьей "Древнецерковнославянский или..." подводит как бы итоги развернувшейся в последние годы дискуссии вокруг названия древнейшего языка славянской письменности. Вопрос о языке древней славянской письменности — это вопрос о генетических истоках и географическом происхождении славянских памятников. Ни один из используемых в науке терминов — "Altbulgarisch", "Altmakedonisch", "Altkirchenslawisch" и др. — не дает точного, однозначного ответа на эти вопросы, напротив, в этногенетическом плане эти термины взаимно исключают друг друга. По мнению болгарских ученых, язык древних памятников был не только церковным, но и государственным языком. Но, как замечает автор, памятник IX—X вв. можно считать болгарским национальным наследием при условии существования светской литературы, подтверждающей этническую специфику болгарской культуры. Число этих памятников незначительно в сравнении с богатой церковнорелигиозной литературой. Автор ставит под сомнение возможность связи языка древних славянских текстов с каким-то славянским народом. Можно согласиться с мнением автора о бесплодности терминологических споров, поскольку существующие термины отражают сложность самого предмета исследования и многообразие подходов к его изучению.

Опубликованные в недавнее время рукописи открывают новые возможности изучения древнейшего наследия старославянской письменности [1]. Большой интерес в связи с этим представляет предложенный Ф. Марешом анализ новонайденной части Синайской псалтыри (XI в.), содержащей самый старый известный старославянский текст Gloria.

Церковнославянской проблематике посвящена статья Й. Винтра, в которой затрагиваются вопросы лексического влияния пражских хорватско-глаголических памятников Эмаусского монастыря на древне-

чешскую Псалтырь, а также работа Д. Катиич, посвященная ударению греческих заимствований в церковнославянском языке русского извода.

Ключевые вопросы праславянской проблематики обсуждаются в статье Х. Бирнбаума. Концепция праславянского включает в себя разработку по меньшей мере трех основных проблем: 1) прародина славян, 2) временные границы и 3) периодизация праславянского языка. В небольшой статье, очень емкой по содержанию, в предельно сжатой форме, почти тезисно, автор обзрывает основную литературу, выделяет круг идей, определяющих движение научной мысли. Традиционные подходы и новые теории, основанные на последних достижениях сравнительно-исторического и теоретического языкознания, исторической науки, взаимно дополняют друг друга и углубляют понимание узловых вопросов праславянского языка. Х. Бирнбаум придерживается той точки зрения, что славяне изначально занимали территорию между Карпатами и средним течением Днестра и двигались отсюда через Карпаты, в обход гор на юг Балканского п-ова. В расселении славян отводится важная роль обратным волнам миграций в северо-восточном и соответственно в северо-западном направлении. Но предлагаемая автором теория расселения славян не объясняет всей сложности этногенетических процессов. Освоение Балкан, Восточных Альп и восточнославянской территории происходило более сложно, во всяком случае не сводилось к разовому, массированному освоению новых территорий [2]. Исходя из этой теории, трудно понять, какие этногенетические процессы определили различия между западными и восточными диалектами южных славян. Освещая разные, порой противоречивые подходы к определению временных границ праславянского и основных этапов его развития, автор попутными замечаниями и пояснениями помогает глубже понять некоторые положения, постулируемые наукой о праславянском. В освещении балто-славянской проблематики автор придерживается традиционных взглядов. К сожалению, в работе остались незатронутыми новые подходы к решению проблемы этногенетических отношений балтов и славян [3].

В разные периоды своей истории праславяне контактировали с другими народами. Изучение языковых контактов способствует совершенствованию методики исследования. Г. Хольцер, обращаясь к проблеме германских заимствований в праславянском, формулирует некоторые методологически важные принципы изучения заимствований.

Принцип В. Кипарского о предпочтительности объяснения из исконного материала явно недостаточен. Реальные взаимоотношения между языками сложнее и многообразнее, методика их изучения не может строиться без учета теории вероятности. Автор формулирует критерии, позволяющие преодолеть в этимологии изолированный подход к языковым фактам и наметить в более глубокой и широкой перспективе пути изучения заимствований. Повышают надежность выводов следующие критерии: 1) если определенное слово языка А объясняется как заимствование из языка В, то из этого следует, что в принципе возможны заимствования из языка В в А, любое другое слово языка А может рассматриваться как заимствование из языка В; 2) чем больше слой заимствований в языке А, тем больше языков, которые могут быть источниками заимствованных слов, тем больше вероятность чистой случайности. И наоборот, чем меньше слой заимствований, тем меньше оснований для случайного выбора. С помощью названных критериев, опираясь на принципы фонетической и семантической соотносительности слов, автор обосновывает несостоятельность вывода об исконном происхождении слав. **mǎlŭ* "солод", **mǎstŭ* "мост", **čedŭ* "чадо", **plakati* "плакать", **glumŭ* "шутка, насмешка" и др. Но, доказывая происхождение этих слов из германских языков, автор в ряде случаев ограничивается в выборе решений, так как не учитывает другие возможные объяснения слова на славянской почве. Вопрос стоит шире, чем просто выбор между двумя альтернативами — германской версией и какой-то одной славянской. Так, вывод о германском происхождении слав. **mostŭ* выглядит убедительным при сравнении с той версией исконно славянского происхождения, которая базируется на идее родства с глаголами **mestŭ*, **metati*. Но существует другое, на наш взгляд, более вероятное объяснение слав. **mostŭ* как первоначального причастия прош. вр. **mozg-to-* "плетенка", родственного литов. *mezgù*, *mėgztŭ* "завязывать, вязать", *māzgas* "узел", далее нем. *Masche* "петля" [4]. Точно так же не учитываются другие этимологии при толковании слав. **glumŭ* [5].

Наука о праславянском решает задачу реконструкции общей картины духовной и материальной жизни древних славян. В этой связи существенное значение приобретает изучение и реконструкция лексической семантики. В методологическом отношении очень важны работы И. Немца, ориентированные на восстановление концептуального ядра лексического значения слова.

Специфика исторической лексикологии заключается в том, что при восстановлении семантических связей нельзя не считаться с особенностями мышления древнего человека, с особенностями отражения окружающей действительности в сознании древнего человека. Многие древние слова и выражения семантически связаны с магией. Автор напоминает, что магическое мышление основывается на двух принципах: первый из них может быть назван законом подобия, а второй — законом соприкосновения или контакта. На большом конкретном материале в работе показано, как реализуются принципы магического мышления в архаичной семантике славянских слов. Знание принципов магического мышления помогает понять, почему одним и тем же словом обозначаются *дери* и *проклятие*, почему в древних языках существует одно слово для обозначения злых духов и оврага (ср. др.-русс. *врагъ*, *ворогъ* и *врагъ* "овраг"), души и бабочки (слав. *dušica* "душа" и "бабочка"). С учетом особенностей магического мышления можно восстановить мотивирующие связи, взаимосвязь значений. Так, сохраняются еще такие архаичные контексты, которые дают основание думать, что у слав. **kļetva* значение "клятва", являющееся основным, развилось из древнего "проклятие", а не наоборот, как это принято в словарях [6].

Статья В.Н. Топорова «О „лняном” мифе в ареальной перспективе» является продолжением исследований этого автора, посвященных этнолингвистическим и культурно-историческим, в частности мифоритуальным и мифопоэтическим фактам, которые характеризуют структуру ареала, связывающего Балтику со Средиземноморьем. Всем ходом исследования автор показывает, что в разных языковых традициях (славянской, германской, балтийской) слово *лен* обозначает важную реалию не только земледельческой культуры, но и особый мифопоэтический и ритуальный комплекс, который отражает результаты переработки отдаленных во времени и пространстве идей и образов древней средиземноморской цивилизации.

Очень важная проблема типологии внут-

риславянских и славянонеславянских языковых контактов получает освещение в статье Д. Брозовича. 3. Тополинская выявляет сходные синтаксические конструкции с полифункциональными операторами типа франц. *que* и макед. *што*. Общие тенденции, параллелизм конструкций, неизвестный другим славянским языкам, она склонна объяснять влиянием латинского и романских языков на языки Балканского п-ова еще с эпохи средневековья.

Индоевропейская проблематика представлена интересными статьями С. Курцовой ("Диатеза в индоевропейских языках"), М. Крижмана ("Дороманские антропонимические связи в северо-восточной части Адриатического побережья").

В сборнике три этимологических статьи. Одна из них посвящена ведийскому гидрониму *Kuliśī* (В. Шмидт). Й. Рейнхарт приводит веские аргументы в пользу версии заимствования древнехорватского *tanac* из средневерхненемецкого. К этимологически трудному слову — этнониму *Hrvat* обращается Х. Шустер-Шевц. Предлагая новую этимологию, основанную на сближении *Hrvat* со слав. **sъrna* "серна", он исходит из предположения, что слав. *ch* развилось не из **(s)k*, а из **(s)k'*. Но это допущение не получает надежного обоснования, что делает этимологическую версию Шустер-Шевца весьма проблематичной.

В некоторых работах этого сборника на передний план вынесены вопросы методики изучения языковых явлений. Так, новая методика контрастивного сравнения языков на синтаксическом уровне (на материале переводов Кантемира с французского) предложена Г. Хюттль-Фолтер.

И, наконец, нельзя не упомянуть обстоятельный филологический анализ 20-й главы "Поэтики" Аристотеля (Д. Шкилян), разбор проповедей К. Кузмани (1806—1866 гг.) в контексте политической и духовной жизни славян (Г. Витшенс).

Рецензируемая книга, богатая идеями, подходами, материалами, существенно продвинет вперед осмысление узловых проблем славянского и индоевропейского языкознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Tarnanidis J.* The Slavonic manuscripts discovered in 1975 at S'Catherine's monastery on mount Sinai. Thessaloniki, 1988.
2. *Трубачев О.Н.* Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян // ВЯ. 1974. № 6.
3. *Топоров В.Н.* К реконструкции древнейшего состояния праславянского // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. М., 1988.
4. *Трубачев О.Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966. С. 251.
5. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 6. М., 1979. С. 147—148.
6. *Slovník jazyka staroslověnského.* Praha, 1973. Seš. 15. 32.

Куркина Л.В.